

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

12

Санкт-Петербург
2016

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolsummer.jimdo.com>

ISSN 2307-5945 = Letnáá škola

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77-63198 от 1 октября 2015 года

Фото на обложке В. Аверина.

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Юлия Коновалова
(Москва)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ В. В. МАЯКОВСКОГО «„ТЕЛЕВОКСЫ“? ЧТО ТАКОЕ?»

В статье рассматриваются как контекст газетных публикаций, проясняющих стихотворение В. В. Маяковского «„Телевоксы“? Что такое?» (1928), так и связь текста с поэтикой русского футуризма. Предпринимается попытка восстановить социальный и политический фон конца 1920-х годов, чтобы проследить, как поэт выполняет установку на социальный заказ.

Ключевые слова: творчество В. В. Маяковского второй половины 1920-х годов, «„Телевоксы“? Что такое?», футуристические мотивы, Г. Уэллс, В. Хлебников, Ф. Т. Маринетти, газетная поэзия.

The article is devoted to both the context of newspaper's publications clarifying Mayakovski's «“Televox?” What is it?» (1928) and the connection between the text and Russian futurism's poetics. An attempt is made to recover a social and political background of the late 1920s to figure out how far the poet focuses on the urgent issues.

Key words: Vladimir Mayakovski's poetry in second half of the 1920s, «“Televox?” What is it?», futuristic motives, H. Wells, F. Marinetti, V. Khlebnikov, newspaper's poetry.

Поздние стихи В. В. Маяковского, написанные на злободневные темы и предназначавшиеся для публикации в периодической печати, как правило, довольно просты и понятны. Может даже показаться, что они не нуждаются в специальных объяснениях и комментариях.¹ Однако именно

¹ Исследования позднего периода творчества Маяковского, безусловно, проводились, и вот самые заметные из них: *Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю.* «Грядущей жизни годовщины»: композиция и топика праздничных стихов Маяковского // *Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 241–274; Жолковский А. К.* Поэтика произвола и произвольность поэтики (Маяковский: «Дачный случай» — 1928) // *Знамя. 1993. № 11. С. 195–202; Перцов В. О.* Маяковский: Жизнь и творчество: В 3 т. М., 1969–1972; *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2009.

сиюминутные, актуальные смыслы ускользают из поля зрения читателя быстрее всего, и потому восприятие насущных газетных текстов с течением времени все более и более искажается. Цель комментатора — хотя бы частично реконструировать реальность, в которой находились современники автора, чтобы приблизиться к их пониманию прочитанного. На примере стихотворения Маяковского «„Телевоксы“? Что такое?»¹ мы постараемся рассмотреть, как работают эти механизмы.

Стихотворение было написано в 1928 году; поводом к его созданию послужило изобретение американским инженером Дж. Уэнсли робота, названного «телевокс», который предназначался для выполнения простейших операций включения/выключения бытовых приборов.² Но, как мы увидим, американское техническое новшество не только не является центральным смысловым узлом стихотворения, а, более того, служит лишь предлогом к разговору о насущных проблемах советского общества. Текст совмещает в себе все признаки газетной поэзии: актуальный повод — изобретение «телевокса»; установку на социальный заказ — обличение бюрократии, засилья чиновников; остроумный удар по «литературным конкурентам» — пролетарским поэтам.

В 1928 году в периодической печати живо обсуждается автоматизация производства, появление машин на заводах. Газеты наводняют статьи о преимуществах автомата перед человеком. В «Комсомольской правде» в разделе «Наука и техника» еженедельно публикуются сведения о новых изобретениях советских и зарубежных инженеров.³ На этом фоне стихотворение «„Телевоксы“? Что такое?» выглядит еще одной новостью из научно-технического мира, но внимание привлекает то, что авторская позиция по отношению

¹ Стихотворение ни разу не становилось предметом специального анализа. Среди немногочисленных исследовательских работ, в которых оно упоминается, отметим следующие: *Катанян В. А.* 1928 // Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.; *Винокур Г. О.* Маяковский — новатор языка. М., 1943.

² Описание устройства этого и многих других роботов содержится в книге *О. Дрожжина: Дрожжин О.* Разумные машины. М., 1936.

³ Комсомольская правда. 1928. Январь—май. № 1—130.

к творению Дж. Уэнсли неоднозначна. Перечисление невероятных способностей и достоинств «телевокса»-официанта («Чисто с машиной. / Это не люди! На ложку / для блеску / плевать не будет» (с. 81)¹ или «Лафа с автоматом: / ни — толкнет, / ни — обложит матом» (с. 82)) соседствует с его сатирическим изображением. Восторженно-панегирический пафос текста постоянно снижается с помощью разговорной и экспрессивной лексики, поэт называет «телевоксов» мошенниками, предлагает им «дубасить» друг друга, уподобляясь боксерам, и даже объявляет «телевокса» всемогущим, что воспринимается читателем как сарказм. Амбивалентность в позиции Маяковского объясняется идеологическими установками, предписывающими особое отношение к роботам, тем более, американского производства. Это предположение подтверждается многими статьями и заметками, посвященными расцвету техники, которые печатались в советских газетах в 1928 году. Приведем в пример лишь одну статью — «Сто лет техники», вышедшую в свердловской газете «На смену!», где стихотворение с довольно значительными сокращениями было перепечатано 25 мая,² всего через несколько дней после первой публикации. В статье проводилась четкая дифференциация между отечественными и западными техническими новшествами. Первые расценивались как благо, вторые — как зло. «Развитие техники в руках капиталистов — страшнейшее орудие против пролетариата. <...> У нас в Советском Союзе машинами владеют не капиталисты, а сам пролетариат».³

В пользу того, что отнюдь не изображение «телевокса» было основной задачей Маяковского, говорят «неточности», которые допускает поэт при описании робота. В первую очередь, речь идет о его функциональных особенностях. Маяковский превращает механизм, способный всего-навсего приводить в действие пылесос или вентилятор, в робота-официанта:

¹ Маяковский В. В. «Телевоксы»? Что такое? // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9. С. 80–84. Здесь и далее текст стихотворения приводится по этому изданию с указанием страницы в скобках.

² Маяковский В. В. Телевоксы? Что такое? // На смену! 1928. 25 мая. № 71. С. 1.

³ [Б. п.] Сто лет техники // Там же. 19 апр. № 46. С. 6.

«По нью-йоркским нарпитам / орудуют — / „Телевоксы”» (с. 80). Перемещение в странное пространство «нью-йоркского нарпита» обусловлено не только достижением еще большего комического эффекта, но и стремлением поэта перемешать советскую действительность с американской, стереть грань между американским и русским. Действие происходит в Нью-Йорке, тем не менее посетитель заказывает вполне себе русский набор блюд: щи, икру, каравай и даже рюмашку, расплачиваться он будет «пяточком» («кладу / ему / пяточок на чай... / Простите — / на смазочное масло» (с. 82)). Прием такого смещения реалий позволяет Маяковскому достичь размытости объекта осмеяния. Так поэт от критических выпадов в сторону Америки может легко перейти к обличению многих советских «язв», в том числе, и в области народного питания. В 1928 году на страницах «Правды» и других центральных газет развернулась дискуссия о проблемах советских столовых: о грязи, матерной брани и невежливом обслуживании в пунктах народного питания. Поводом к началу бурного обсуждения послужил фельетон М. Кольцова «Пустите в чайную». Автор предлагал открыть чайные, которые заменили бы рабочему «скучные, устаревшие, покровительственно-примитивные агитки в клубе» и «грязное чистилище в пивной».¹ Текст Маяковского о «телевоксе» — аккуратном и «безличном» официанте — в контексте этого обсуждения звучит как деловое предложение: на помощь людям здесь должна прийти машина.

Жесткая критика социальных пороков в стихотворении выражается в формуле: «упразднить» — «заменить добросовестным телевоксом». В эту формулу поэт подставляет разные переменные: боксеров, плохих докладчиков, бюрократов, пролетарских поэтов. Первыми под удар Маяковского-обличителя попадают боксеры. Во второй половине 20-х годов бокс достиг невероятной популярности и в СССР, и во всем мире. В книге Х. Гумбрехта «В 1926 году: на острие времени» целая глава отведена боксу как характерному признаку эпохи. Гумбрехт отмечает «вездесущность этой темы»: «Похоже, нет интеллектуала, который не был бы очарован боксом. Те же,

¹ Кольцов М. Пустите в чайную // Правда. 1928. № 1. 1 янв. С. 5.

кто <...> чувствуют себя обязанными презирать этот вид спорта из соображений хорошего вкуса, все равно с неохотой, но признают в нем главный символ времени».¹ Не обманывавшая поэта чуткость к главным тенденциям современности вступала в конфликт с личной неприязнью к боксу, которая отчетливо видна в стихотворении «Телевоксы»: обилие сниженной лексики («рожа», «фонари» в значении «синяки», «дубасить», «морда») недвусмысленно указывает именно на это. Кроме того, высмеивая бокс, поэт участвует в неофициальной кампании против травмоопасных, «жестокых» видов спорта, к каковым относили футбол и бокс.

Следующим «объектом», подлежащим устранению и замене «телевоксом», являются скучные докладчики. Иронически подтрунивая над ними, поэт включается в борьбу печати с плохой организацией культурно-просветительской работы. Характерно, что в том самом выпуске газеты «Смена», где было напечатано интересующее нас стихотворение, на следующей странице размещалась статья под названием «Пытка словом. На лекцию — калачом не заманишь» с подзаголовком «Больше внимания тому, что и как преподносится с трибуны». Автор статьи сетовал на то, что доклады в рабочих клубах и на заводах превращаются в «два часа зеленой скуки», а темы не могут «заинтересовать рабочих».² Словно в продолжение газетной заметки, Маяковский предлагает докладчику-«телевоксу» выступать на самые злободневные темы: «...и про аборт, и о культурной революции» (с. 83). Связь между этими двумя вопросами на первый взгляд неочевидна. Однако во многих газетах 1928 года обсуждение проблемы абортов ведется непременно в контексте культурной революции. В майском выпуске газеты «Известия» было опубликовано выступление М. И. Калинина (в 1928 году — Председатель ВЦИК СССР), обратившего внимание именно на это: «Под культурной революцией подразумевается полное изменение всей нынешней культурной

¹ Гумбрехт Х. У. В 1926 году: на острие времени. (Интеллектуальная история). М., 2005. С. 77.

² Д. С. Пытка словом. На лекцию калачом не заманишь // Смена. 1928. № 110. 13 мая. С. 4.

бюрократа, выражающегося только клишированными фразами и избегающего прямых ответов на вопросы общества, есть и те слова, которые поэт включил в стихотворение о «Телевоксах»: «неувязка», «надо согласовать». В стихотворении «Телевоксы» все совсем наоборот: здесь машина, способная быть похожей на человека и выполнять некоторые его функции, призывается на помощь людям.

Тем более, «совершенно достаточно одного „Телевокса“ поджарого», чтобы без потерь избавиться от не самых талантливых, да еще и принадлежащих враждебной организации — РАППу — пролетарских поэтов. Имена двоих из них названы в тексте стихотворения: это А. Жаров и И. Молчанов. Как известно, после 1928 года в литературной жизни Маяковского начнутся все более и более радикальные перемены. В мае 1929 года из нескольких участников Лефа он организует Реф (Революционный фронт искусств), который, просуществовав всего несколько месяцев, распадется, а уже в феврале 1930 года Маяковский подаст заявление о вступлении в РАПП.¹ В связи с этим поменялась и позиция поэта, в частности, по отношению к А. Жарову и И. Молчанову. Несколько снисходительнее и аккуратнее Маяковский говорит о них в 1929 году на Втором расширенном пленуме правления РАПП: «У нас были такие поэты — Уткин, Жаров, Молчанов, с которыми мы ругались в прошлом году <...> Вот в моей „Рабочей газете“ я знаю, что Жаров берет в обработку обычные мелкие случаи из рабочей практики и дает шестнадцать строчек. <...> Если в дальнейшем он будет обрабатывать на этой теме, это уже положительный факт».² Но в 1928 году, в разгаре полемики между Лефом и РАППом, было вполне уместно сыронизировать по поводу успешной замены этих «паточных лириков» одним «поджарым „Телевоксом“».

Возвращаясь к теме неточностей, без которых не обходится изображение «телевокса», отметим строки о внешности робота:

¹ См. об этом: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 333–341.

² *Маяковский В. В.* Выступление на Втором расширенном пленуме правления РАПП // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 389.

Ни губ,
 ни глаз
 и ни малейших
 признаков личнѣх.
 У железных леших
 одно
 ухо
 огромной величины. (с. 80–81)

Такой портрет не соответствует реальному облику «телевокса»: его уши не отличались огромной величиной, а глаза у робота всё-таки были. По всей видимости, в распоряжении Маяковского были лишь некоторые сведения о строении «телевокса», а недостающие элементы поэт восстанавливал с помощью футуристического «арсенала». В частности, огромное ухо бесполох механизмов может восходить к образу марсиан из романа Г. Уэллса «Война миров», который был дорог футуристам и неоднократно упоминался в их статьях и манифестах. Например, в декларации кубо-футуристов, к которым некогда относил себя Маяковский, В. Хлебников своим приказом зачисляет «в думу марсиан Уэллса и Маринетти»¹ и восклицает: «Уля, уля, Марсиане!»,² воспроизводя звуки, издаваемые уэллсовскими марсианами. Их описание было таким: «Марсиане были бесполоыми <...>. В этих существах не было ничего земного. Только <...> сзади на этой голове или теле (я, право, не знаю, как это назвать) находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху...».³

Несмотря на то, что принято считать позднего Маяковского практически не связанным с ранним, футуристические

¹ К слову сказать, в манифестах самого Ф. Т. Маринетти отчетливо звучали призывы следить за всеми новыми изобретениями и воспевать их с футуристическим размахом: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут учёные, кроме физических формул и химических реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление механического человека в комплекте с запчастями. Мы освободим человека от мысли о смерти, конечной цели разумной логики» (*Маринетти Ф. Т. Технический манифест футуристической литературы // Манифесты итальянского футуризма. М., 1914. С. 80*).

² *Хлебников В. Труба марсиан // Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 603.*

³ *Уэллс Г. Д. Война миров. М., 2010. С. 153.*

мотивы в «Телевоксах» очень отчетливы. Так, нотный язык «телевокса» восходит к футуристическим мечтам о языке будущего. В своей заметке «Радио будущего», написанной в 1921, но увидевшей свет только в 1927 году, В. Хлебников создает образ «железного самогласа» — Радио, которое станет «духовным солнцем страны», всемогущим учителем и врачом человечества. В видении В. Хлебникова, лечить «железный самоглас» будет с помощью нот: «Известно, что некоторые звуки, как „ля” и „си”, поднимают мышечную способность, иногда в шестьдесят четыре раза, сгущая ее на некоторый промежуток времени. В дни обострения труда, летней страды, постройки больших зданий эти звуки будут рассылааться Радио по всей стране, на много раз подымая ее силу».¹ Язык нот в стихотворении Маяковского фактически производит то же действие: заставляет работать автомат.

Поэт саркастически называет язык «телевокса» «эсперантой». Причины стилистического снижения этого слова носили, скорее, политический, а не художественный характер. Дело в том, что в СССР в 1920-е годы изучение эсперанто было очень популярным. С подачи Л. Д. Троцкого, эсперанто получило статус «языка мировой революции». Более того, им активно пользовались рабкоры, на эсперанто велось радиовещание. В газете «Американские известия» за 1924 год помещена статья, поддерживающая распространение эсперанто в Советской России и во всем мире. В статье подчеркивалась простота изучения эсперанто: «Благозвучность и легкость произношения и заучивания эсперантских слов, простота грамматики (16 правил без исключений) и гениально составленный словарь из международных корней — все это вместе ставит эсперанто на высоту своего назначения быть международным языком рабочих и крестьян. Желаящему изучить эсперанто достаточно пожертвовать 3–4 месяца по 1 часу в день...».² Легкость овладения эсперанто была обыграна Маяковским в строках:

¹ Хлебников В. Радио будущего // Хлебников В. Творения. С. 639.

² [Б. п.] Международный язык эсперанто // Американские известия. 1924. № 185. 3 дек. С. 6.

Зря
 ученьем
 себя не тираньте.
 Очень просто
 изъясняться
 на их эсперанте. (с. 81)

Поэт, чутко отзывающийся на все новое и актуальное в советском обществе, не мог пройти мимо этого явления. Иронически-уничжительный оттенок слова «эсперанта» может напрямую свидетельствовать об изменении политической ситуации к концу 20-х: открыто приветствовать идею изучения эсперанто, предложенную Л. Д. Троцким, было уже нельзя (политическая борьба за власть между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким завершилась полным поражением последнего: в начале 1928 года он был сослан Сталиным в Алма-Ату).

Маяковский-футурист проявляет себя и в изображении посетителя нью-йоркского нарпита с официантом-«телевоксом». В образе обедающего начинают работать инвариантные мотивы, характерные даже для самых ранних, дебютных стихов Маяковского. Так, строки «гони рюмашку / и щи неси» (с. 82) заставляют вспомнить стихотворение 1913 года «Нате!», с которого началась литературная судьба поэта:

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
 где-то недокушанных, недоеденных щей...¹

О прямой отсылке к раннему тексту вряд ли можно говорить, но то, что мотив «щей» имеет у Маяковского негативные коннотации, становится очевидным. Еще одна такая параллель между «Телевоксами» и дебютными стихами поэта заметна в строках стихотворения 1916 года «Вам!»:

Если б он, приведенный на убой,
 вдруг увидел, израненный,
 как вы измазанной в котлете губой
 похотливо напеваете Северянина!²

¹ Маяковский В. В. Нате! // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 56.

² Маяковский В. В. Вам! // Там же. С. 75.

Сравним изображение обедающего в стихотворении «„Телевоксы”? Что такое?»:

вытираю нос,
обмасленный от съедания. (с. 82)

Снова повторяется инвариантный мотив испачканного за обедом лица, вызывающий и у поэта, и у читателя отталкивающие ассоциации. Такой прием Маяковский использует сознательно: он, казалось бы, говорит об удивительном достижении инженерной мысли и даже поздравляет читателя «С новым бытом!», но, в то же время, с помощью неприятных образов снижает пафос стихотворения, переводя его на уровень фельетона.

Итак, стихотворение Маяковского «„Телевоксы”? Что такое?» представляет собой сложную смесь мотивов, пересечение разных систем координат, в которых когда-либо мыслил себя поэт. «Телевоксы» полностью соответствуют «газетной» системе координат (начиная от принципов оформления до разработки самых актуальных для печати проблем): в ней стихи становятся и отражением сенсационной новости, и орудием агитации. Когда же за точку отсчета принимается футуризм, те же образы окрашиваются в смелые, авангардистские тона и превращаются в часть новой, создающейся на глазах реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Американские известия. 1924. 3 дек. № 185.
2. *Винокур Г. О.* Маяковский — новатор языка. М., 1943.
3. *Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю.* «Грядущей жизни годовщины»: композиция и топика праздничных стихов Маяковского // Гаспаров М. Л. Избр. труды: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 241–271.
4. *Гумбрехт Х. У.* В 1926 году: на острие времени. (Интеллектуальная история). М., 2005.
5. *Дрожжин О.* Разумные машины. М., 1936.
6. *Жолковский А. К.* Поэтика произвола и произвольность поэтики (Маяковский: «Дачный случай» — 1928) // Знамя. 1993. № 11. С. 195–202.
7. Известия. 1928. Январь–май. № 1–120.
8. *Катанян В. А.* 1928 // Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.

9. Комсомольская правда. 1928. Январь—май. № 1–130.
10. *Маринетти Ф. Т.* Технический манифест футуристической литературы // Манифесты итальянского футуризма / Пер. с итал. В. Шершеневич. М., 1914. С. 36–42.
11. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961.
12. На смену! 1928. Апрель—май. № 40–71.
13. *Перцов В. О.* Маяковский: Жизнь и творчество: В 3 т. М., 1969–1972.
14. Правда. 1928. Январь—май. № 1–125.
15. Смена. 1928. Январь—май. № 1–110.
16. *Уэллс Г. Д.* Война миров. М., 2010.
17. *Флейшман Л.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003.
18. *Хлебников В.* Творения. М., 1986.
19. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2009.